16 марта 2023 года на историческом факультете прошла очередная встреча семинара и ***«Структуры большой длительности в истории Запада, России и Евразии».*** Семинар организован в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и её субпроекта «Социокультурные истоки современности и прогнозирование будущего». Семинар 16 марта 2023 года стал продолжением серии встреч, посвященных проблематике европейского рационализма как структуры большой длительности (репортажи помещаются на сайте философского факультета: *«Европейский рационализм как "мотор" модернизации и предмет междисциплинарного анализа»*, круглый стол с несколькими выступлениями, https://philos.msu.ru/node/6063; «*Европейский рационализм: возведение и/или размывание границ человеческой идентичности?*», доклад О.Ю. Бойцовой, https://philos.msu.ru/node/6064).

На этот раз с докладом «**Метод *vs* истина: "Франкфуртская школа" и эволюция западного марксизма»** выступил Т.А. Вархотов (Философский факультет МГУ)**.** Выступление было посвящено биографиям, философским и общественно-политическим взглядам первых двух поколений «Франкфуртской школы» и взгляду на них советских и западных марксистов. По словам Вархотова, название доклада является парафразой трактовки Ю. Хабермасом работы Х.- Г. Гадамера «Истина и метод», как «истины без метода» (в рамках полемики о природе критического мышления между «франкфуртской критической теорией» и феноменологией). Коллизия истины и метода, по мнению докладчика, в значительной мере может быть отнесена и к опыту Франкфуртской школы.

Франкфуртская школа возникла на базе Института социальных исследований при университете Франкфурта-на-Майне в 1924 г. Его первый директор - австрийский социал-демократ, правовед и историк Карл Грюнберг долгое время занимался историей рабочего и социалистического движения, издавал классические марксистские труды. В этот период Институт поддерживал дружественные отношения с советским марксизмом. Работы франкфуртцев печатались в СССР (например, в журнале "Под знаменем марксизма" выходят статьи Вильгельма Райха и Карла Августа Виттфогеля). Вильгельм Райх соединял психоанализ и исторический материализм; ему представлялось, что базовые фрейдистские категории можно

историзировать и рассматривать как продукты социальных отношений. По словам Райха, психоаналитическая практика тесно связана с классовыми отношениями и революционной борьбой, задача совместного развития марксистской теории и психоанализа заключается в том, чтобы выявить классовую сущность принципа реальности; политическое освобождение должно также знаменовать не только социальную, но и сексуальную свободу. Это совмещение вызвало скептическую реакцию со стороны советских марксистов, которые посчитали этот подход наивным и излишне радикальным.

Касаясь истории Франкфуртской школы, Т. Вархотов ставит ряд вопросов, сопровождающих ее изучение. Один из них - неопределенная до сих пор главная фигура идейного лидера этой школы. Главным идеологом Франкфуртской школы Стюарт Джеффрис (Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.) называет Теодора Адорно, в то время как И.А. Михайлов считает лидером школы Макса Хоркхаймера (Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914-1939 гг. М.: ИФ РАН, 2008); среди претендентов на лидерское место, называемых различными исследователями, фигурируют также Г. Маркузе и Э. Фромм. Другими центральными вопросами являются вопрос об источниках взглядов франкфуртцев и вопрос об их отношении к марксизму.

В 1930-е годы новым директором института стал молодой Макс Хоркхаймер. С 1931 г. общая идеологическая атмосфера и сфера интересов и позиция Института и его сотрудников начинает весьма быстро меняться и отходить от дружественного советскому опыту марксизма. Изначально Хоркхаймер занимается социологией науки с позитивистских позиций. В конце 20-х г. он написал критическую рецензию на немецкий перевод В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», соглашаясь с позицией Эрнста Маха. Теодор Адорно занимался эстетикой, в первую очередь, музыкой, Фромм был единственным сертифицированным психоаналитиком с соответствующей практикой, а Герберт Маркузе, ученик М. Хайдеггера - единственным профессиональным философом.

По словам Вархотова, от марксизма франкфуртцы унаследовали критическое отношение к обществу и политическим режимам. Марксизм также лежит в основе определения «идеологии» как иллюзорного и искаженного восприятия действительности. Идеи Франкфуртской школы с самого начала находятся под влиянием сложного комплекса религиозных, философских идей, эстетических программ модернистов и экспрессионистов того времени –

марксизма, психоанализа, гештальт-психологии, неокантианства, гегельянства.

Третьим вопросом, который коснулся Т.А. Вархотов, стало влияние на Франкфуртскую школу Дьердя Лукача. Хотя Лукач впоследствии весьма критически относился к франкфуртцам, тем не менее, его ранняя работа, «История классового сознания», обнаруживает большое сходство с критикой общества Франкфуртской школы. Д. Лукач посвящает много места проблеме отчуждения, развивает концепцию товарного фетишизма и негативной субъективной диалектики.

Со второй половины 30-х г. главным теоретическим сюжетом Франкфуртской школы становится «критическая теория». «Критическая теория» должна была служить интересам общества, но не отдельных классов или научных дисциплин. Под критическим анализом действительности представители Франкфуртской школы понимали выявление скрытых в произведениях искусства социально-политических детерминаций и импликаций. М. Хоркхаймер был способен разоблачить ложное, но не знал, что истинное.

Критическая теория достигает своего апогея в «Негативной диалектике" Т. Адорно, для которого подлинная диалектика исключительно разрушительна, а задача критического диалектического разума заключается в избегании констелляций. По Адорно, никакое положительное утверждение не может быть защищено. С этой точки зрения диалектика как инструмент критики никогда не дает положительного результата, а разум существует как чистая негативность.

Комментируя критическую теорию Франкфуртской школы, Т.А. Вархотов обращается к ироническому комментарию к «Негативной диалектике» Адорно, который в 1974 г. дал французский философ Лиотар в статье "Адорно как дьявол". Метафора дьявола помогает охарактеризовать позицию Адорно. Негативная диалектика - это ностальгия по утраченному поводу бунта: уже нет того, против чего следует бунтовать... Разочарование в тотальности и приверженность к отрицанию на теологическом языке есть утрата Бога и обращение к демоническому. Когда диалектика дала сбой, сломалась, пролетариат поддерживает тоталитаризм, когда Бог замолчал, а красный Бог не говорит, культура не больше, чем остаток культа; тогда Адорно не может не занять место дьявола. Лиотар вскрывает важную черту философии Адорно - специфический нарциссизм, получение удовольствия от разрушения. Негативная диалектика не может быть предметом отрицания, равно как и критическая теория выводится из под критики. Дьявол отрицает Бога, но хочет быть Богом. Фигура

дьявола не просто диалектическая – это выраженный провал диалектики в диалектике, негативное в сердце негативности.

Через 40 лет Ю. Хабермас использует понятие «фаллибилизма», заимствованное из философии критического рационализма, которое обозначает ожидаемую ошибочность знания. Любое утверждение не только напрасно претендует на истину, но используется как инструмент репрессии и господства; любое знание становится политически окрашенным. Ложь - это не только ложь реалиста (несоответствие), но и репрессивное средство, которое вводит в заблуждение и действует в интересах отдельных лиц или групп.

По мнению Т. Вархотова, на критическую теорию Франкфуртской школы следует смотреть через призму общественной и политической истории Германии, где революция потерпела поражение, а власть перешла к национал-социалистам. «Критическая теория» порождена также и вынужденной эмиграцией франкфуртцев, большинство из которых были выходцами из зажиточных еврейских ассимилированных семей; это была их защитная реакция, поиск путей выживания, привыканием к новым условиям сиротства.

Как отмечает докладчик, критическая теория радикально расходится с тем, как в это время развивается марксизм в СССР. Франкфуртская школа отвергает культ труда, историческую тотальность, государственную (как и какую-либо другую) монополию на истину. Любые конкретные предметности, в том числе труд –это фетиши.

Представители Франкфуртской школы пытались осмыслить акт поражения мировой революции. Если для советского марксизма вопрос мировой революции был отложен (как Апокалипсис), то у Г. Маркузе игнорирование мировой революции в Советском Союзе становится сквозным сюжетом его книги о советском марксизме (Marcuse, H. Soviet Marxism. N.Y.: Columbia University Press, 1958). Мировая революция должна была случиться, но не произошла, и это было последствием из-за объективных причин. Рабочий класс пошел на сговор с буржуазией, проигнорировал или пересмотрел свои собственные интересы. После 1920-х годов классический марксизм не может объяснить современный мир, и социалисты должны поменять свои аналитические схемы Советская власть спасает свое право на исключительность и тем самым предает дух марксизма.

В работах Г. Маркузе марксизм теряет свой экономический характер и перемещается в область эпистемологии и социальной онтологии. Рабочий класс должен принять онтологическую победу капитализма. Капитализм с либеральной демократией становится безальтернативным вариантом общественного устройства, а Германия

и СССР - не реально исторические альтернативы, но обманки, построенные на тех же принципах. Маркузе пишет о том, что в советском марксизме нет равенства, отношения эксплуатации не устранены и место эксплуататора занимает государственная бюрократия. Еще ярче об этом высказывает Карл Август Виттфогель, для которого Советский Союз был частным случаем возрожденной восточной деспотии (Wittfogel K.A. Russia and Asia: Problems of Contemporary Area Studies and International Relations // World Politics , Jul., 1950, Vol. 2, No. 4, pp. 445-462).

В такой ситуации экономика оказывается не столь существенно интересной, а подлинные причины происходящего в истории уходят на более высокие этажи культурных и психологических универсалий. Тема культурной критики и культурных оснований действительности в полной мере реализуется в «Диалектике Просвещения» (Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997), первая редакция которой была опубликована в 1944 г. Второе издание в 1947 г. принесла ее авторам – М. Хоркхаймеру и Т. Адорно - всемирную известность.

«Диалектика Просвещения» построена вокруг критики прогрессизма, технократии, стремлений к универсализму. Авторы также выражают критическое отношение к рациональности, в которой видят корни зла. Интенсификация рациональных способов мышления и действия приводит только к обострению проблем, при этом в значительной мере их «маскирует».

Марксистский термин «отчуждение», который в классическом марксизме осмысливается как главный источник классового антагонизма, во Франкфуртской школе интерпретируется через психоанализ.

В 1950-е годы доминирующей темой Франкфуртской школы становится тема авторитаризма современных социальных систем и «авторитарная личность» как условие их существования. Концепция и «авторитарной личности», желающей подчиняться и властвовать (садомазохизм как основа фашизма), занимают важное место в работах Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромма. Отношение господства и подчинения питается страхом онтологической свободы, спасением и желанием спастись от этого страха во внешнем мире - в предметах потребления и в различных социальных нормах. Масштабное и яркое каноническое развитие этой тематики дает Г. Маркузе в «Одномерном человеке» (1964 г). Властные структуры или правящие режимы полностью поработили человека, выстроили такой порядок, при котором все действия поддерживают существующий порядок; критика поддерживает объект критики. В этой позиции Т.А. Вархотов видит

разочарование автора в легитимных протестных формах. Маркузе понимает, что все формы протеста ничего не дают и ничего не изменяют. Мы имеем дело с системой, которая позволяет высказываться, официально ненавидеть, но при этом и благодаря этому чувствует себя надежнее, прочнее и лучше. Через образование и воспитание власть использует мощную систему «поточного» переформатирования индивида. Человек овладевает способностью думать, но он думает «правильно», по стандарту; в его мышление включен режим нормативной рационализации.

Т.А. Вархотов обращает внимание и на послевоенную политическую и общественную деятельность некоторых представителей Франкфуртской школы.

До возвращения в Германию в 1949 г. Хоркхаймер сотрудничал с Еврейским комитетом, который внес существенный вклад в формировании послевоенного международного права. Во время войны Маркузе официально работал на американскую разведку и после 1945 г. стал одной из центральных фигур в создании люстрационных списков в послевоенной Германии.

С конца 1960-х годов некоторые представители второго поколения Франкфуртской школы стали активными деятелями СДПГ. Так, Ю. Хабермас был последователем Вилли Брандта и в рамках политической программы СДПГ исследовал условия жизни научно-технического мира (по словам Т.А. Вархотова, разрабатывал теории и практики в области манипулирования общественным мнением). Другой представитель Франкфуртской школы, ученик Адорно, Людвиг фон Фридебург был министром просвещения земли Гесссен с 1969 по 1974 г. В этой деятельности Т.А. Вархотов видит проявление социально-политического конформизма.

Заключительная часть доклада была посвящена судьбам западного марксизма. Марксистский дискурс присутствующий как минимум у первого поколения Франкфуртской школы, практически полностью исчезает во втором поколении как в области терминологии, так и тематики. Капиталистическая экономика и либеральная демократия занимает место альтернативных институциональных решений. На место марксисткой гегелевской лексики приходит умеренное кантианство и англо-американская аналитическая философия. В «Идее социализма» Аксель Хоннет обходится без таких важных для марксизма понятий как диалектика и отчуждение. Социализм здесь представлен без марксистского подхода. Либеральная демократия становится объектом защиты и поступательного улучшения существующей модели на основании консенсусной критики и общественного согласия. У Маркузе утопия и

антиутопия оказываются онтологически более реальными, чем сама действительность. Критическая теория подталкивает к тому, что размышление о счастливом и справедливо будущем рассматривается как более реальное и достоверное, чем существующий мир. Реальное бытие не может реализоваться в наличном, следовательно, утопия есть подлинное место реального. В работах Акселя Хоннета мы сталкиваемся с характерной констатацией: современное общество фетишизировало существующие общественные отношения и пришло к пониманию мира как продукта объективных законов, независимых от воли и идей участников исторического процесса. Общество таково, каким оно оказалось, вопреки воле граждан, общество не влияет на мир. По мнению Энди Мерифилда (Мерифилд Э. Магический Марксизм. Субверсивная Политика и воображение. М: Ад Маргинем Пресс, 2020), общество является препятствием, стоящей на пути реализации наших жизненных устремлений. Человек как носитель свободы, противопоставлен обществу как тому, что уже есть и измениться не может. Чтобы быть марксистом, следует мечтать, так как жить вне общества возможно только в форме чистого сознания. В «Магическом марксисте» Мерифилда Маркс превращается в мага, а марксизм в стратегию торжества воображения.

Завершая доклад, Т. Вархотов вернулся к его названию – «*метод против истины*». Если Гадамера обвиняют в защите истины в ущерб методу, то Франкфуртская школа идет обратным путем - метод противопоставляется истине и, соответственно, оказывается инструментом движения не к истине, но к запрету на декларацию прав на истину.

По словам Вархотова, тотальное превосходство метода над предметом приводит или к снобистскому интеллектуальному одиночеству и противопоставлению свободы наличному бытию, или к неявному признанию инструментального характера метода, который из деструктивной онтологии превращается в средство улучшения наличного бытия.

Дискуссия вокруг доклада Т.А. Вархотова развернулась вокруг двух проблем – разнообразия советского марксизма (Ильенков, Вазюлин, Зиновьев) и проблемам объективизации научного знания. Отвечая на вопрос об альтернативных марксизму и либерализму трактовках социальной действительности, Т.А. Вархотов обратил внимание на работы коммунитаристов - Роберта Патнэма и Пола Колиера (Коллиер П. Будущее капитализма. М., 2021), а также на некоторые идеи поздних концепций географического детерминизма, которые, по его словам, по-прежнему способны объяснить многие особенности экономического и общественного развития, исторические

процессы формирования обществ, взаимодействие между людьми и др.

Основу доклада составили материалы двух статей:

- Вархотов Т.А. Метод против истины. Часть 1. По направлению к одномерности – становление критической теории Франкфуртской школы // Вопросы теоретической экономики, 2023, №2 (в печати)
- Вархотов Т.А. Метод против истины. Часть 2. Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы // Вопросы теоретической экономики, 2023, №3 (в печати)

Обзор доклада Т.А. Вархотова и дискуссии подготовлен **А.М. Шпиртом** (истфак МГУ).